

Гісторыя і археалогія

Айчынная гісторыя

УДК 94(476)«1932/1936»

С. А. Елизаров

БОРЬБА С НАРУШЕНИЯМИ «РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ» В МЕСТНЫХ СОВЕТАХ БССР (1932–1936 гг.)

Во введении указано, что объект исследования – кадровая политика в Белорусской ССР. Предмет исследования – деятельность органов власти и управления по борьбе с должностными преступлениями в местных Советах БССР. Цель исследования – выявить цель, задачи, средства и результаты реализации государственной политики противодействия должностным преступлениям в сельских Советах БССР в 1932–1936 гг. Были применены научные принципы историзма (рассмотрение механизма борьбы с должностными преступлениями в контексте общих тенденций политического развития советского общества в 1930-х гг.) и системности (изучение процесса противодействия должностным преступлениям как составного элемента советской кадровой политики), общенаучные и конкретно-исторические методы (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный). В основной части отмечено, что постоянно менявшаяся высшим партийно-советским руководством СССР трактовка принципа «политической целесообразности» в варианте 1932–1936 гг. требовала обуздать стихию произвола, творившегося на местах руководителями разного уровня по отношению к крестьянству, заставить их не выходить за рамки, определявшейся директивами московского центра. В указанное время такая тактическая линия осуществлялась применительно главным образом в отношении работников сельских Советов. Массовые проверки состояния революционной законности прошли во всех районах республики. Выявленные нарушения «революционной законности» выражались в незаконных штрафах, изъятии имущества и его присвоении, арестах и избиваниях единоличников и колхозников руководителями сельсоветов, растрате денег, ценностей и иного имущества. Было организовано несколько показательных процессов против руководящих сельсоветовских и районных работников. В заключении отмечено, что в результате принятых мер уровень должностных преступлений в сельских Советах был значительно снижен, произвол их председателей ограничен, уголовные наказания за незаконные методы решения поставленных вышестоящими органами задач стали реальностью. Официально эти преступления рассматривались и наказывались как уголовные, лишь в отдельных случаях им придавался политический контекст, в связи с чем борьбу с должностными преступлениями в 1932–1936 гг. нельзя рассматривать как проявление политических репрессий.

Ключевые слова: Белорусская ССР, Уголовный Кодекс, революционная законность, сельские Советы, должностные преступления.

Введение. Период 1930-х гг. является наиболее привлекательным для зарубежных исследователей политических и социальных процессов в советском обществе. В англоязычной историографии приоритетным всегда считалось доказательство репрессивного характера политической советской системы, получение знаний «правды о терроре как явлении центральном в социально-политической истории СССР» [1, с. 5]. Основное внимание занимали и по-прежнему занимают три основных события довоенной советской истории: приход большевиков к власти и гражданская война (1917–1922 гг.), массовая форсированная коллективизация и «голодомор» (1930–1933 гг.), «Большой террор» как «апогей социальной инженерии» в СССР (1937–1938 гг.).

Значительный шаг вперед в исследовании репрессий 1930-х гг. сделали и российские исследователи (Г. А. Бордюгов, А. В. Гордон, В. П. Данилов, Ю. Н. Жуков, Э. В. Клопов,

Елизаров Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., проф. каф. социально-гуманитарных и правовых дисциплин ГГТУ им. П. О. Сухого (Беларусь).

Адрес для корреспонденции: пр. Октября, 48, 246746, г. Гомель, Беларусь; e-mail: sergeyelisarov@mail.ru

В. А. Козлов, А. Б. Мозохин, И. В. Павлова, О. В. Хлевнюк и др.). Совместными усилиями издательства «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН) и Фонда Первого Президента России Б. Н. Ельцина издается серия «История сталинизма», где наряду с работами российских исследователей представлен русскоязычный вариант работ многих известных западных исследователей.

В традициях англоязычной «тоталитарной школы» (репрессии как важнейший момент единого процесса становления, расцвета и распада советской тоталитарной империи) исследуется период 1930-х гг. и в современной белорусской историографии (М. П. Костюк, И. Н. Кузнецов, И. Романова, Т. С. Протько). Иные сюжеты истории 1930-х гг. также рассматриваются прежде всего в контексте функционирования репрессивной системы, в противном же случае находятся на периферии исторического знания.

В частности, это можно сказать о проблеме борьбы на государственном уровне с должностными преступлениями в БССР 1930-х гг., исследование которой изредка актуализируется только в контексте изучения процессов массовой коллективизации и политического террора 1937–1938 гг. Хотя борьба с должностными преступлениями в 1930–1938 гг. и носила политическую окраску, однако ее трактовка, средства и формы проведения различались в 1930–1932 гг., 1932–1936 гг. и 1937–1938 гг.

Цель представленного исследования – выявить цель, задачи, средства и результаты реализации государственной политики противодействия должностным преступлениям в сельских и районных органах государственной власти и управления БССР в 1932–1936 гг.

Статья подготовлена на основе изучения главным образом материалов Национального архива Республики Беларусь (фонды ЦК КП(б)Б–КПБ, ЦИК и Прокуратуры БССР), а также Гомельского областного государственного архива и Государственного архива общественных объединений Гомельской области. Применялись научные принципы историзма и системности, общенаучные и конкретно-исторические методы (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный). Принцип историзма предполагает рассмотрение механизма борьбы с должностными преступлениями в контексте общих тенденций политического развития советского общества в 1930-х гг., реализации курса на форсированное строительство социализма в одной стране. Системный подход реализуется через изучение процесса противодействия должностным преступлениям как составного элемента советской кадровой политики.

Основная часть. Правовую базу организации борьбы с должностными преступлениями в 1930-е гг. составлял Уголовный Кодекс БССР (УК БССР) 1928 г. с дальнейшими изменениями [2]. Раздел 5 «Должностные преступления» содержал статьи 195–213. Наиболее применявшимися в практике 1930-х гг. были ст. 196 («небрежное или недобросовестное отношение должностного лица к своим служебным обязанностям, волокита и протекционизм»), ст. 197 («превышение власти»), ст. 204 («присвоение или растрата денег, ценностей или иного имущества, находящегося по его службе в его ведении»), ст. 205 («хищения»). В УК БССР закреплялось разделение понятий «должностное преступление» и «должностной проступок». Все неправомерные действия должностного лица, которые носили систематический характер или совершались из корыстных или иных личных мотивов, либо имели особо тяжелые последствия, признавались должностными преступлениями, все иные – должностными проступками. Соответственно, степень наказания за должностные проступки была значительно ниже, чем за должностные преступления.

Под должностными лицами согласно УК БССР разумелись «лица, занимающие постоянные или временные должности в государственном, общественном или кооперативном учреждении или предприятии».

В 1930–1932 гг. мероприятия по борьбе с должностными преступлениями оказались вписаны в рамки политико-хозяйственных кампаний по обеспечению выполнения различного рода государственных заготовок. Меры наказания в отношении должностных лиц в это время были довольно мягкие – в абсолютном большинстве работники сельсоветов и райисполкомов за «срывы политико-хозяйственных» кампаний получали принудительные работы или общественное порицание, реальные же сроки лишения свободы – только в редких случаях. При этом массовое применение на селе местными советскими работниками незаконных

действий при обеспечении выполнения госзаказов (незаконные штрафы и конфискации имущества, аресты, запугивания, применение физической силы) негативной реакции в этот период ни партийных, ни советских, ни правоохранительных органов не вызывали. Главное – выполнение госзаказов, а не средства его достижения.

С лета 1932 г. вектор борьбы с должностными преступлениями меняется. Первый период массовой коллективизации с повсеместным использованием карательных методов и беззакония породил у многих местных руководителей чувство безнаказанности. Особенно многочисленные должностные преступления фиксировались среди председателей сельсоветов: растраты, незаконное изъятие имущества у единоличников и колхозников. В последнем случае «схемы» преступления были похожие: на единоличников налагались многочисленные незаконные штрафы, которые впоследствии частично или в полном объеме присваивались сельсоветовскими работниками. Нередко председатели сельсоветов забирали себе и собранные налоги.

Подобные действия местных советских органов власти приобрели исключительно широкие масштабы. Массовость и хаотичность применения мер принуждения на местах снижали степень управляемости из союзного центра, создавали угрозу формировавшейся жесткой вертикальной структуре власти и управления. Требовалось ввести репрессивные действия местных властей в рамки, устанавливаемые и контролируемые сверху. 25 июня 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О революционной законности» [3]. В нем признавалось наличие «значительного числа нарушений революционной законности со стороны должностных лиц и искривлений в практике ее проведения, особенно в деревне». Правительства союзных и автономных республик и органы прокуратуры обязаны были провести проверку фактов нарушений должностными лицами революционной законности, обеспечить скорейшее рассмотрение таких дел и наложение мер взыскания вплоть до придания суду в отношении должностных лиц, допустивших эти нарушения. По сложившейся практике аналогичное постановление 7 июля 1932 г. приняли ЦИК и СНК БССР [4].

В результате в БССР началась очередная кампания по выявлению нарушений советского законодательства (они проводились еще в 1920-е гг.), о многих из которых партийно-советскому руководству (в том числе и республиканскому) было еще известно ранее, но на которые внимания не обращали и хода не давали. О наличии такой негативной информации свидетельствует скорость заведения первого дела: уже 11 июля 1932 г. за массовое нарушение революционной законности решением ЦИК БССР был распущен президиум Толочинского райисполкома [5, л. 66].

Летом 1932 г. силами работников республиканской прокуратуры было проверено состояние революционной законности в Комаринском, Пуховичском, Чашникском, Городокском, Глуском, Бобруйском и Толочинском районах, районными прокурорами – во всех остальных. Проверка выявила массовые нарушения штрафной политики: наложение на колхозников, бедняков и середняков штрафов в больших размерах, чем на кулаков и зажиточных, произвольные штрафы, штрафные санкции без протоколов только на основании устных заявлений граждан и должностных лиц, взимание штрафов без предварительного установления сроков их выплат и обследования этих хозяйств и т.п. Единоличники (бедняки и середняки) принуждались вступать в колхозы путем установления для них твердых заданий, как на кулаков и зажиточных [6, л. 1, 9].

Широкое распространение получили незаконные обыски, аресты и изъятие имущества. Дело доходило до избиений крестьян и грубого морального издевательства. В частности, в Узденском районе прокурорским работником было выявлено, что некоторые местные сельсоветы устанавливали твердые задания зажиточным крестьянам по ловле кротов, мышей, собак, кошек [7, л. 142].

В ходе проверки по инициативе Прокуратуры Республики было прекращено ряд незаконно возбужденных административных дел (280 – в Городокском, 120 дел – в Глуском районах и т.д.), показательно отданы под суд по одному председателю сельсоветов Городокского, Речицкого и Комаринского районов, а также наложены партийные и административные взыскания на некоторых должностных лиц [6, л. 10].

В 1932 г. широкий резонанс вызвали должностные преступления председателей сельсоветов Мозырского района. Наиболее громким оказалось дело председателя Савицкого сельсовета, члена партии Козлова, который систематически штрафовал крестьян, проводил ночные обыски, во время проведения которых избивал сопротивляющихся (в том числе и детей), связывал их веревкой, угрожал наганом и т.п. На изъятое имущество актов не составлялось и расписки в изъятии не выдавались. Конфискованные вещи и продукты Козлов частично забирал себе, частично отдавал для реализации в систему кооперации. На него было заведено уголовное дело, по которому было опрошено около 100 свидетелей. Однако большинство крестьян боялись давать показания против Козлова, так как он оставался на свободе и угрожал им преследованиями. Всем было известно, что Козлова поддерживал уполномоченный райкома партии и райисполкома по Савицкому сельсовету Пронька (работник ГПУ), секретарь местной партячейки Ахраменко и председатель колхоза Петручко. Именно с ними Козлов и делился «выручкой» от незаконных конфискации. Следователь прокуратуры по приказу районного прокурора и с согласия районной РКК-РКИ арестовал Козлова, однако по распоряжению райкома партии в тот же день Козлов был освобожден из-под ареста. Вернувшийся из отпуска прокурор вновь арестовал Козлова, после чего тянувшееся несколько месяцев следствие было довольно быстро завершено. По результатам следственных действий «дело Козлова» рассматривалось на совместном заседании бюро райкома партии и президиума райисполкома, где после длительных переговоров и колебаний все же решились отдать Козлова под суд. Для того чтобы придать этому делу политический характер и завуалировать чисто уголовный характер действий, Козлов был представлен «другом кулаков», действовавшим «по их указке»: «Козлов играл на руку классового врага, подрывал колхозное строительство и дискредитировал среди колхозников и трудового крестьянства основу власти на селе – сельский Совет» (из материалов судебного заседания).

Одновременно по фактам массового незаконного наложения штрафов на крестьян в Мозырском районе велись следствия по Липовицкому, Домановичскому, Дудичскому, Теревовскому, Якимовичскому и ряду других сельсоветов. По данным делам, кроме председателей сельсоветов, также проходили и ответственные работники райкома КП(б)Б и райисполкома [8, л. 251–267].

Работавшая в 1932 г. в Сиротинском районе комиссия Наркомата юстиции БССР также обнаружила множество «грубейших перегибов, которые приняли форму системной работы районных организаций» с 1931 г. По четырем проверенным сельсоветам твердые задания по сдаче картофеля в нарушении существовавшего законодательства получили единоличники-середняки и колхозники, у которых забрали весь имевшийся картофель, в том числе и семенной. Аналогичную ситуацию проверяющие фиксировали и по остальным трем сельсоветам. Весной 1931 г., в период массового развала колхозов, проводились многочисленные аресты выходивших из них, а арестованных держали под охраной по несколько недель, после чего освобождали. Был зафиксирован случай стрельбы секретаря партячейки колхоза «Энергия» Зароновского сельсовета по бывшим колхозникам, которые хотели забрать свое ранее обобщественное имущество. Несмотря на то что в районе отдельные колхозы распались полностью, имущество крестьянам не возвращалось, а передавалось другим колхозам [9, л. 162, 163].

В 1933 г. – новое громкое дело – уже по Ельскому району. Здесь свою роль сыграла статья в газете «Правда» «Бедноту в колхоз не принимают», опубликованная 11 ноября 1932 г. После этой публикации в районе в январе–феврале 1933 г. положение с революционной законностью проверяла комиссия ЦКК КП(б)Б, установившая факты массового незаконного применения штрафов с лета 1931 г. В практику ряда сельсоветов вошли необоснованные обыски, аресты, угроза оружием, «издевательства и побои крестьян» при сборе недоимок и других обязательных платежей. Особенно «отличились» председатели Качищенского (Гузман) и Синюковского (Самойленко) сельсоветов, которые вместе с членами сельсовета неоднократно проводили обыски у крестьян, арестовывали и забирали их имущество (крупу, сало, скотину), часть которого присваивали себе. Так, по Качищенскому сельсовету с июля 1931 г. по декабрь 1932 г. было оштрафовано 248 человек (половина населения сельсовета)

на общую сумму 4806 руб., из них 152 человека – по совершенно надуманным основаниям (за богослужение в своем доме, за невыезд на работу в колхоз и т.п.). В Синюковском сельсовете за 1931 г. оштрафовали 119 человек, в основном «за непосещение школы».

По итогам рассмотрения этого дела Президиумом ЦКК КП(б)Б и коллегией Наркомата РКК БССР членам бюро Ельского райкома КП(б)Б был объявлен строгий выговор, сняли с работы и исключили из членов партии заведующих орготделом РК КП(б)Б и райколхозсоюза, курировавших работу этих двух сельсоветов. Председателя сельсовета Гузмана сняли с работы, исключили из комсомола и вместе с двумя членами сельсовета арестовали и отдали под суд. Также был снят с работы, исключен из партии и отдан под суд председатель Синюковского сельсовета Самойленко [10, л.12–21, 25–29].

Однако несмотря на эти громкие дела массовые нарушения законности должностными лицами продолжались. Даже в Ельском районе после показательного процесса и кадровых перестановок Партколлегией КПК по БССР в марте 1933 г. были вновь выявлены «возмутительно-безобразные факты грубейшего нарушения революционной законности..., которые оставались без реагирования или прямо замазывались». Отмечалось, что избиения колхозников, самосуд и иные факты нарушений носили «не единичный характер». Широкое распространение в районе получили растраты, пьянство руководящих районных работников и партийно-советских активистов. Решением партколлегии председатель райисполкома, начальник районного отделения НКВД и председатель Скороднянского сельсовета были сняты с работы и исключены из партии (последний одновременно за растраты был отдан под суд). На многих руководящих работников района были наложены партвзыскания от указания до выговоров [11, л. 78–92]. Факты незаконного изъятия имущества, его присвоения, аресты и избиения единоличников и колхозников председателями и членами сельсоветов в Кличевском районе отмечались на заседании Бюро ЦК КП(б)Б 11 марта 1933 г. [12, л. 373].

Пик осужденных в БССР за должностные преступления пришелся на 1933–1934 гг. В 1933 г. количество осужденных за все должностные преступления превысило уровень 1928 г. на 1036 % (на 21 809 человек), в 1934 г. – 1178 % (на 23 605 человек). Из них более 65 % были привлечены по ст. 196. Во втором полугодии 1933 г. за различные нарушения законов осудили 103 председателя сельсоветов, в первом полугодии 1934 г. – еще 155. А затем число привлеченных к уголовной ответственности председателей сельсоветов стало снижаться, упав во втором полугодии 1936 г. до 33 человек [13, л. 4–6].

Во-первых, сыграли свою роль реальные уголовные дела на председателей сельсоветов, показавшие отсутствие у них «служебного иммунитета» на должностные преступления. К тому же с 1934 г. усиливаются меры наказания за должностные преступления: в декабре 1933 г. была введена новая статья Уголовного кодекса БССР – 196¹ «злоупотребление властью или служебным положением», по которой устанавливался срок лишения свободы не менее одного года [14, с. 154]. Если в первом полугодии 1934 г. из осужденных всех категорий работников за должностные преступления были лишены свободы 14,7 %, то во втором полугодии 1936 г. – уже 26,3 %. Главной мерой наказания за должностные преступления по-прежнему оставались исправительно-трудовые работы (от 70,4 % – в первом полугодии 1934 г.; до 62,7 % – во втором полугодии 1936 г.) – они применялись главным образом по ст. 196 «небрежное или недобросовестное отношение должностного лица» [13, л. 29–33]. Все это заставило многих сельсоветовских работников стараться действовать в рамках закона или, по крайней мере, ограничить его нарушения.

Во-вторых, со второго полугодия 1934 г. действовал порядок, при котором возбуждение уголовных дел и предание суду по должностным преступлениям председателей сельсоветов и колхозов разрешалось лишь с предварительной санкции Прокурора Республики [13, л. 16].

Однако нарушения «революционной законности» (прежде всего незаконные штрафы) и в 1935–1936 гг. по-прежнему имели широкое распространение [15, с. 246–251, 267, 301, 302, 318–321, 433–441]. О массовых нарушениях законности в Журавичском районе говорилось на заседании Президиума ЦИК БССР 15 июня 1935 г. [16, л. 217]. В справке инструктора ЦИК СССР Цицина секретарю ЦИК СССР И. С. Уншлихту (март 1936 г.), посетившего по его поручению Освейский, Дриссенский, Могилёвский районы БССР, приводилось множество подобных

фактов [17, л. 22–25]. Всего же за 1936 г. в БССР было осуждено за должностные преступления 84 председателя, 46 членов, 161 секретарь и счетовод сельских Советов. Среди председателей сельсоветов большинство (40,5 %) осудили за злоупотребление служебным положением и превышение власти, 29,8 % – за растраты, 20,3 % – за небрежное или недобросовестное отношение к своим обязанностям, остальные 9,4 % – за иные преступления. Среди секретарей и счетоводов самой «популярной» были ст. 204 (59,6 %) и ст. 196 (21,8%) [13, л. 14–16].

Вопросы борьбы с должностными преступлениями неоднократно рассматривались на заседаниях Бюро ЦК КП(б)Б как часть проблемы, связанной с «проявлениями нарушений революционной законности». Свое видение причин таких нарушений руководство КП(б)Б дало в постановлении «О нарушении революционной законности в Кличевском районе» (март 1935 г.): «исключительно слабая постановка партийно-массовой и политико-воспитательной работы», «отсутствие живой ежедневной связи районного руководства с низовыми организациями», «недостаточное развитие критики и самокритики», «засоренность отдельных сельсоветов... классово-враждебными и контрреволюционными элементами» [12, л. 373].

Однако представляется, что главная причина – в самой системе директивного централизованного управления, находившейся в первой половине 1930-х гг. в стадии своего становления. Система жесткого соподчинения по вертикали еще только выстраивалась и в этой системе низовые советские работники считали своим естественным правом использовать любые средства и методы для выполнения заданий вышестоящих органов. Главное – выполнить задания, а каким образом – роли не играет. Ведь за массовые нарушения в период начального этапа форсированной коллективизации наказания не последовали. Кроме того, в своей массе имевшие низкий образовательный уровень, усвоившие коммунистическую идеологию лишь на уровне элементарных популярных «политпросветовских» лозунгов и формул, жившие в обстановке массового нарушения закона и его произвольного толкования вышестоящими инстанциями, многие работники сельсоветов воспринимали свою должность лишь как удобную возможность улучшить свое материальное положение, компенсировать свои физические и моральные затраты по выполнению руководящих указаний. Частые ссылки самих осужденных председателей сельсоветов на слабое материальное обеспечение в реальности были лишь попыткой оправдания своих преступных действий. По средней зарплате они вовсе не находились в особо бедственном положении относительно других категорий работников: в 1936 г. при средней зарплате по республике в 165 руб. работники сельсоветов получали 163 руб., в то время как рабочие совхозов – 101 руб., предприятий мелкой промышленности – 132 руб., работники ветеринарных служб – 157 руб. [18, с. 20, 21].

Заключение. Таким образом, завершение первого этапа форсированной коллективизации и переход к политике организационного укрепления колхозов изменил тактику борьбы с должностными преступлениями. С лета 1932 г. на первый план выходит кампания «по борьбе с нарушениями революционной законности», призванная ограничить применение должностными лицами репрессивных методов и средств в отношении к сельским жителям (как колхозникам, так и единоличникам). Постоянно менявшаяся трактовка принципа «политической целесообразности» в варианте 1932–1936 гг. требовала обуздать стихию произвола, творившегося на местах руководителями разного уровня по отношению к крестьянству, заставить их не выходить за рамки, определявшиеся директивами московского центра. Массовые проверки состояния революционной законности прошли во всех районах республики. Они выявили многочисленные факты незаконного изъятия имущества, его присвоения, арестов и избиений единоличников и колхозников руководителями сельсоветов при молчаливой или открытой поддержке районного руководства. Был организован ряд показательных процессов против руководителей сельсоветовского и районного уровней. В связи с этим нельзя согласиться с утверждением авторитетной Ш. Фицпатрик, что до апреля 1937 г. «произвольная конфискация скота и другого имущества под предлогом неуплаты налогов конфискация имущества... практически не являлось незаконным» [19, с. 200]. Уровень должностных преступлений работников сельсоветов значительно снизился, их произвол был ограничен, уголовные наказания за незаконные методы решения поставленных вышестоящими органами задач стали реальностью.

Вместе с тем борьбу с должностными преступлениями в 1932–1936 гг. нельзя рассматривать как проявление политических репрессий. Преступления официально и рассматривались, и наказывались как уголовные. Лишь изредка (а без этого в 1930-е гг. было невозможно обойтись нигде) таким делам придавалось определенное политическое звучание (осужденные трактовались «кулацкими агентами», действовавшими в интересах кулачества).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Верт, Н.* Террор и беспорядок. Сталинизм как система / Н. Верт ; пер. с фр. А. И. Пигалева. – М. : РОССПЭН; Фонд Первого Президента Б. Н. Ельцина, 2010. – 447 с.
2. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Белорусской Социалистической Советской Республики Белоруссии (СЗ БССР). – 1928. – Отд. 1. – № 30. – Ст. 288.
3. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик. – 1932. – № 50. – Отд. 1. – Пост. 298.
4. СЗ БССР. – 1932. – № 49. – Пост. 220.
5. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 296. Оп. 1. Д. 231.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 750. Оп. 1. Д. 670.
7. НАРБ. – Ф. 750. Оп. 1. Д. 680.
8. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 5699.
9. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 6221.
10. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 5794.
11. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Ф. 265. Оп. 4а. Д. 199.
12. ГАООГО. – Ф. 265. Оп. 4а. Д. 189.
13. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 12017.
14. Уголовное законодательство СССР и союзных республик. Сборник (Основные законодательные акты) / сост.: Е. М. Ворожейкин [и др.] ; под ред. Д. С. Карева. – М. : Госюриздат, 1957. – 531 с.
15. Улада і грамадства: БССР у 1929–1939 гады : у дакументах Сакрэтнага аддзела/Асобага сектара ЦК КП(б)Б/Еўрапейскай гуманітарнай універсітэі / склад., аўтар прадмовы І. Раманава. – Вільня [Вілюнюс] : Логвінаў, 2019. – 1120 с.
16. ГАГО. – Ф. 208. Оп. 1. Д. 1113.
17. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 10808.
18. Численность и заработная плата рабочих и служащих в СССР. Итоги единовременного учета за март 1936 г. / ЦУНХУ Госплана СССР, отдел учета труда. – М. : Ред.-издат. управление ЦУНХУ Госплана СССР и В/О «Союзоргучет», 1936. – 312 с.
19. *Фицпатрик, Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / Ш. Фицпатрик ; пер. с англ. Л. Ю. Панфиной. – М. : РОССПЭН, 2001. – 422 с.

Поступила в редакцию 09.11.2020.

“Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science”
Vol. 13, No. 1, 2021, pp. 6–13
© Yanka Kupala State University of Grodno, 2021

Fight against violations of “revolutionary legality” in local Soviets of the BSSR (1932–1936)

S. A. Elizarov

Pavel Sukhoi State Technical University of Gomel (Belarus)

Okhtabria Ave., 48, 246746, Gomel, Belarus; e-mail: sergeyelizarov@mail.ru

Abstract. The introduction indicates that the object of research is personnel policy in the Byelorussian SSR. The subject of the research is the activity of the authorities and management to combat official crimes in the local Councils of the BSSR. The purpose of the study is to identify the purpose, objectives, means and results of the implementation of the state policy of countering official crimes in the rural Councils of the BSSR in 1932–1936. The scientific principles of historicism (consideration of the mechanism of combating official crimes in the context of general trends in the political development of Soviet society in the 1930s) and system (study of the process of countering official crimes as an integral element of soviet personnel policy), general scientific and specific historical methods (historical–genetic, historical–comparative, historical–system) were applied. In the main part, it is noted that constantly changing the higher party-soviet leadership of the USSR interpretation of the principle of “political expediency” in option 1932–1936 was required to curb the arbitrariness going on in the field by managers at different levels in relation to the peasantry, to make them not to go beyond, which was determined by the directives of the Moscow center. At that time, this tactic was applied mainly to employees

of village Councils. Mass inspections of the state of revolutionary legality were held in all regions of the Republic. The revealed violations of “revolutionary legality” were expressed in illegal fines, seizure of property and its appropriation, arrests and beatings of individual and collective farmers by village Council leaders, embezzlement of money, valuables and other property. Several show trials were organized against senior village Council and district employees. In conclusion, it is noted that as a result of the measures taken, the level of official crimes in rural Councils has been significantly reduced, the arbitrariness of their chairmen is limited, and criminal penalties for illegal methods of solving tasks set by higher authorities have become a reality. Officially, these crimes were considered and punished as criminal, only in some cases they were given a political context, and therefore the fight against official crimes in 1932–1936 cannot be considered as a manifestation of political repression.

Keywords: Byelorussian SSR, Criminal Code, revolutionary legality, village Soviets, official crimes.

References

1. Vert N. Terror and disorder. Stalinism as a system [*Terror i besporiadok. Stalinizm kak sistema*]; transl. from France by A. I. Pigalev. Moscow, 2010, 447 p.
2. Collection of laws and orders of the Workers and Peasants’ Government of the Belarusian Socialist Soviet Republic of Belarus (CL BSSR) [*Sobranie Zakonov i Rasporyazhenii Raboche-Krest’ianskogo Pravitel’stva Belorusskoi Sotsialisticheskoi Sovetskoi Respubliki Belorussii (SZ BSSR)*]. 1928, sect. 1, No. 30, art. 288.
3. Collection of laws and regulations of the Workers And Peasants’ Government of the Union of Soviet Socialist Republics [*Sobranie zakonov i rasporyazhenii Raboche-Krest’ianskogo Pravitel’stva Soiuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik*]. 1932, No. 50, sect. 1, art. 298.
4. CL BSSR [*SZ BSSR*]. 1932, No. 49, art. 220.
5. State archive of the Gomel region (SAGR) [*Gosudarstvennyi arkhiv Gomel’skoi oblasti (GAGO)*]. F. 296. L. 1. C. 231.
6. National Archives of the Republic of Belarus (NARB) [*Natsional’nyi arkhiv Respubliki Belarus’ (NARB)*]. F. 750. L. 1. C. 670.
7. NARB [*NARB*]. F. 750. L. 1. C. 680.
8. NARB [*NARB*]. F. 4p. L. 1. C. 5699.
9. NARB [*NARB*]. F. 4p. L. 1. C. 6221.
10. NARB [*NARB*]. F. 4p. L. 1. C. 5794.
11. State archive of public associations of the Gomel region (SAPAGR) [*Gosudarstvennyi arkhiv obshchestvennykh ob’edinenii Gomel’skoi oblasti (GAOOGO)*]. F. 265. L. 4a. C. 199.
12. SAPAGR [*GAOOGO*]. F. 265. L. 4a. C. 189.
13. NARB [*NARB*]. F. 4p. L. 1. C. 12017.
14. Criminal legislation of the USSR and the Union republics. Collection (main legislative acts) [*Ugolovnoe zakonodatel’stvo SSSR i soiuzykh respublik. Sbornik (Osnovnye zakonodatel’nye akty)*]; comp.: E. M. Vorozheikin [et al.]; Ed. by D. S. Karev. Moscow, 1957, 531 p.
15. Power and society: the Byelorussian SSR in the years 1929-1939: documents of Secret department / Special sector of the CC KP(b)B [*Ulada i hramadstva: BSSR u 1929-1939 hady : u dokumentakh Sakretnaha addzela/Asobaha sektara CK KP(b)B*]. Vilnya [Vilunius], 2019, 1120 p.
16. SAGR [*GAGO*]. F. 208. L. 1. C. 1113.
17. NARB [*NARB*]. F. 4p. L. 1. C. 10808.
18. The number and wages of workers and employees in the USSR. Results of one-time accounting for March 1936 [*Chislennost’ i zarabotnaia plata rabochikh i sluzhashchikh v SSSR. Itogi edinovremennogo ucheta za mart 1936 g.*]. Moscow, 1936, 312 p.
19. Fitzpatrick S. Stalin’s peasants. A social history of Soviet Russia in the 30th years: village [*Stalinskie krest’iane. Sotsial’naia istoriia Sovetskoi Rossii v 30-e gody: derevnia*]; transl. from Engl. by L. Yu. Pantina. Moscow, 2001, 422 p.

